

Цзян Жо не сомневался: Си Юйфэн не стерпит столь наглой провокации.

Однако путей к отступлению юноша не подготовил. Стоило попытаться отшатнуться, как спина уперлась в препятствие — чужая рука железным обручем перехватила его поперек талии. На миг Цзян Жо охватила паника.

Ладонь, еще секунду назад лежавшая на плече мужчины, уперлась в грудь — этот инстинктивный жест Си Юйфэн истолковал как кокетливое сопротивление.

— Стой ровно, — негромко предупредил он. — Опять ведь упадешь.

Объятия разомкнулись, позволяя Цзян Жо сделать пару шагов назад.

Оказавшись на безопасном расстоянии, Цзян Жо окончательно пришел в себя. Досада за секундную слабость обожгла изнутри, и он тут же попытался вернуть преимущество:

— Мы репетировали сцену, господин Си. Неужели вы не способны отличить игру от реальности?

Си Юйфэн смолчал. Его темный, глубокий взгляд оставался абсолютно безмятежным. Казалось, секунду назад дразнил собеседника кто-то другой — стоило отпустить юношу, как маска флиртующего повесы мгновенно слетела, обнажив привычное ледяное равнодушие. Он без слов, одним лишь видом показал, насколько четко разграничивает работу и жизнь.

Цзян Жо почувствовал знакомый холод в груди. Натянута улыбка, которой он попытался сгладить неловкость, со стороны выглядела жалкой попыткой скрыть поражение. Можно сколько угодно исхитряться в колкостях, но если сопернику на них плевать, любая победа в словесной дуэли теряет всякий вкус.

Перед уходом Си Юйфэн достал сигарету и щелкнул колесиком зажигалки. Стоило ему зажать ее в губах, как Цзян Жо дерзко перехватил сигарету и засунул себе в рот.

— Спасибо за гостеприимство, господин Си, — на сей раз прощание прозвучало искренне и легко. — Мне всё очень понравилось. Заезжайте еще.

Развернувшись, он пошагал прочь, заметно прибавив ходу.

Курить он не умел. Сделав глубокую затяжку, парень тут же поперхнулся едким, горьким дымом. Легкие обожгло, горло сдавил спазм, и он зашелся в бурном кашле, от которого на глазах выступили слезы. То, что издавека пахло столь притягательно, на вкус оказалось невыносимой гадостью.

Си Юйфэн, уже сидевший в салоне автомобиля, мельком глянул в окно во время разворота. Он как раз успел заметить, как Цзян Жо выбрасывает едва тлеющую сигарету в урну.

Огонек мгновенно погас, а тонкий силуэт растаял в ночной темноте.

Всю следующую неделю Си Юйфэн метался между бесконечными совещаниями. Документы на его столе росли лавиной, не оставляя ни минуты на передышку.

Отец, Си Чэнли, за это время дважды наведлся в офис: первый раз — чтобы разгрести очередную кучу дерьма за младшим сыном и уладить последствия сорванной сделки, а второй — побеседовать с Юйфэном и заодно продолжить спасать репутацию Си Ванчэня.

В делах Си Юйфэн никогда не поддавался личным эмоциям. Поскольку цели у отца и сына совпадали, разговор вышел на редкость конструктивным. Под конец беседы Си Чэнли сменил тему и спросил почти с затаенной надеждой:

— Если на вечер ничего не планировал, приезжай домой поужинать.

Под «домом» подразумевалось родовое поместье на Южной горе. С момента их последней крупной ссоры прошел уже месяц, и возвращаться туда Си Юйфэн по-прежнему не собирался.

— Сегодня не получится, — ровно ответил он. — Еду к Мэнам. Тетушку Мэн только выписали из больницы.

Мать Мэн Чао провела в больнице пять дней. По случаю ее выздоровления друг пригласил Юйфэна на ужин — старшее поколение семьи желало лично поблагодарить его за помощь с поиском лучших врачей.

Услышав об этом, Си Чэнли удовлетворенно кивнул:

— Хорошо, поезжай. Домой заглянешь в другой раз.

Для него было важно знать, что связь с Мэнами не оборвалась, а значит, за партнерство двух кланов можно не беспокоиться.

Закончив дела, Си Юйфэн спустился на лифте в подземный паркинг, где нос к носу столкнулся с младшим братом. Си Ванчэнь, очевидно, поджидал его специально. Он тут же пристроился рядом, заглядывая в лицо:

— Брат, ты у меня просто святой!

Си Юйфэн одарил его холодным взглядом.

— Отец сегодня даже голоса на меня не повысил, — ухмыльнулся Ванчэнь. — Сразу понял: ты не стал ябедничать.

— С чего бы мне это делать? — равнодушно отозвался Юйфэн.

— Ну как же, чтобы отвести удар от себя! Отец всю жизнь руководит, ему жизненно необходимо ежедневно на ком-то срывать злость, — Ванчэнь картинно вздохнул. — Ты и представить не можешь, как мне доставалось, пока тебя не было дома.

Си Юйфэн действительно не знал и знать не желал. Младший брат никогда не умел держать язык за зубами; за его вечной панибратской улыбкой всегда скрывался мелкий расчет. Впрочем, из-за скудоумия все его интриги выглядели настолько жалко, что старший даже не воспринимал их всерьез.

— Вот как? — безучастно отозвался он. — Тогда постарайся делом доказать свою полезность, чтобы у него не осталось поводов для придинок.

— Ой, легко сказать! Будь у меня хоть половина твоей хватки, разве я бы сидел в калоше?.. — Ванчэнь заговорщически подмигнул. — Слушай, насчет проекта «Хэжуншэн»... Может, поможешь мне проверить его? Прибыль поделим честно, пополам.

Желание прощупать почву читалось на его лице слишком явно. Си Юйфэн решил подыграть и сделал вид, что задумался.

— Я подумаю. Вообще-то мне не стоит вмешиваться, но в последнее время с финансами туговато, так что лишние деньги не помешают.

Позже, уже в гостях у Мэнов, Си Юйфэн в общих чертах пересказал этот разговор Мэн Чао. Тот расхохотался так, что едва не свалился со стула:

— Ну ты и сказочник! Какое «туговато с деньгами»? Все знают, что у младшего господина Си на руках двадцать процентов акций компании, да плюс материнское наследство — в сумме точно больше трети выходит. С каких пор ты стал перебиваться с хлеба на воду?

— А разве не все знают, что я недавно завел себе содержанца? — парировал Юйфэн.

Опытный в подобных делах Мэн Чао понимающе хмыкнул:

— Твоя правда. Красивая игрушка — удовольствие недешевое. Особенно если ты ее не просто кормишь, но и продвигаешь на сцену.

Перед глазами Си Юйфэна вдруг сама собой возникла картина: тонкий силуэт, растворяющийся в ночном полумраке, и дерзкий, колючий взгляд юноши, упорно не желавшего знать свое место. Мужчина стряхнул пепел в пепельницу легким щелчком пальца по сигарете и тихо, неопределенно усмехнулся.

Разумеется, подобные разговоры богатых бездельников не предназначались для семейного обеда. В прежние времена род Мэн славился своей ученостью: несколько поколений предков были видными литераторами, а уж профессоров университетов среди их родственников и вовсе не счесть. Возможно, именно накопленные за века благородные заслуги помогли им преуспеть на коммерческом поприще. И хотя нынешние Мэны давно сменили книги на торговые счета, в их доме по-прежнему царил дух утонченной интеллигентности. Стены украшали старинные свитки и каллиграфия, а для семейной библиотеки с редкими фолиантами отвели целое крыло.

Выписанная накануне госпожа Мэн выглядела бодрой, за столом велась непринужденная беседа. Вспоминая, как часто Си Юйфэн прибегал к ним в детстве, хозяйка дома с улыбкой заметила:

— В нашей библиотеке столько книг, да только свои их в руки не берут. А вот А-Фэн в свое время перечитал их все от корки до корки.

— Кстати, давно хотел спросить, — вставил Мэн Чао. — Почему ты вообще тогда у нас дневал и ночевал?

— У вас было тихо, — просто ответил Си Юйфэн.

— То-то ты вечно кривился, стоило мне позвать тебя играть. Нормальных слов от тебя было не дожидаться, только и слышал: «Замолчи!»

— В те годы ты вел себя еще несноснее, чем сейчас.

— Вот как заговорил? Хорош друг, ничего не скажешь!

За теплой домашней беседой никто и словом не обмолвился о трагедии прошлого — эта тема оставалась под негласным запретом.

Ближе к концу ужина в столовую вошла Мэн Лань. Единственная дочь в семье, она унаследовала от родителей безупречную внешность, но вот характер ее не имел ничего общего с традиционной сдержанностью Мэнов. Едва переступив порог, девушка сбросила шпильки,

подбежала к матери и ласково обняла ее за плечи. Окинув взглядом присутствующих, она задержала взор на Си Юйфэне и удивленно приподняла бровь:

— О, и ты здесь?

После ужина Си Юйфэн сыграл партию в го с главой семейства, а затем поднялся на верхний этаж виллы и привычным движением приоткрыл дверь на открытую террасу. К его удивлению, у перил уже кто-то стоял.

Мужчина хотел было тихо уйти, но Мэн Лань, не оборачиваясь, окликнула его:

— Заходи, чего застыл? Здесь довольно тоскливо в одиночестве.

Си Юйфэн подошел и остановился у противоположного края ограждения.

Посмотрев на внушительную дистанцию между ними, Мэн Лань не сдержала смешка:

— Забираю свои слова назад. С твоим приходом здесь стало еще холоднее.

Девушка только что приняла душ. Сменив кричащее вечернее платье на уютный домашний костюм, она распустила влажные волосы, отчего весь ее облик приобрел непривычную мягкость и спокойствие.

— А где брат? — спросила она.

— Уехал развлекаться.

— Со своим новым увлечением?

— Без понятия.

— А ты почему не с ними?

— Неинтересно.

Мэн Лань вздохнула:

— С тобой совершенно невозможно разговаривать.

Си Юйфэн молча перевел на нее взгляд. Мэн Лань очертила пальцем его силуэт в воздухе:

— Посмотри на себя. В тебе же нет ни капли живого тепла.

Он прекрасно понимал, что она имеет в виду под «живым теплом» не популярность, а само человеческое присутствие — согретое дыханием, мерным стуком сердца и эмоциями. Словно боясь, что ее метафора осталась непонятой, Мэн Лань пояснила:

— Ледяной, правильный и запредельно скучный. Теперь понятно, почему при всей твоей красоте к тебе боятся даже подступиться.

Юйфэн промолчал. Окружающие твердили ему об этом всю жизнь. Кто-то деликатно называл это неприступностью, другие — откровенным бессердечием. Он давно привык к подобным оценкам, и они набили ему оскомину.

Высказав всё, что думает, Мэн Лань оперлась локтями о перила и, подперев подбородок ладонью, уставилась в ночную даль.

— Хотя, может, оно и к лучшему. Когда тебе на всё плевать, даже если привычный мир рухнет в один миг, ты не запаникуешь. И страдать не станешь.

Воцарилось молчание. Через минуту Си Юйфэн негромко произнес:

— Прошное бессмысленно ворошить. Оно уже случилось.

— Значит, мне стоит смотреть в будущее? Например, предаваться мечтам о нашей счастливой супружеской жизни?

— Если тебе претит эта идея, я могу разорвать помолвку.

— И что тогда?

— Выйдешь за Си Ванчэня.

Для их круга этот союз был лишь сделкой. Брак по расчету, где супруги ведут независимую личную жизнь, а штамп в паспорте служит лишь для укрепления союза двух влиятельных фамилий. Обе стороны понимали правила игры. Но почему-то от слов Юйфэна лицо Мэн Лань исказилось. Она крепко сжала зубы, а когда заговорила вновь, в ее голосе сквозило горькое разочарование:

— Господи, Юйфэн... Почему ты ни капли не похож на тётю Цяо?

Взгляд Си Юйфэна мгновенно потемнел. Тётей Цяо она назвала его покойную мать, Цяо Цзяюэ.

Мэн Лань оттолкнулась от перил и выпрямилась. Вся ее мимолетная откровенность бесследно испарилась. Она посмотрела на мужчину с грустной, едва заметной усмешкой:

— Скажи, если бы кто-то искренне полюбил тебя... ты бы все равно решил, что от тебя хотят лишь выгоды?

Си Юйфэн нахмурился, собираясь спросить, с чего вдруг эти излияния, но в кармане настойчиво завибрировал телефон. На экране высветилось имя Мэн Чао.

— Говорил же, поехали со мной, а ты заупрямился, — слышался в трубке веселый голос друга.

— Ближе к делу, — оборвал его Юйфэн.

— Тут твой ненаглядный актер кутит в огромной компании... Похоже, его усердно спаивают. Что делать-то? Мне вмешаться или...

Си Юйфэн сбросил вызов.

На другом конце провода Мэн Чао растерянно моргнул и поспешил отправить сообщение, проверяя, не заблокировали ли его сгоряча. К счастью, текст ушел. Спустя минуту он не выдержал и прислал еще одно:

[Серьезно, не приедешь?]

Через пять минут пришел лаконичный ответ:

[В пути.]

Глядя на экран, Мэн Чао лишь покачал головой с усмешкой. Так я и думал.

Было очевидно, что этот мальчишка-актер для Си Юйфэна — далеко не просто очередная интрижка. Сумел-таки расшевелить ледяную глыбу. Тот сколько угодно мог твердить о холодном расчете и взаимной выгоде, но при этом продолжал самозабвенно вкладываться в заведомо убыточное дело, ничуть не заботясь о том, как глупо выглядит со стороны его личное вмешательство.

Мэн Чао перевел взгляд на шумную, хмельную компанию в глубине зала. Губы его расплылись

в предвкушающей улыбке. Теперь, если кто-нибудь при нем посмеет ляпнуть, будто у младшего господина Си нет сердца, он первый назовет этого человека лжецом.

<http://bllate.org/book/19587/1943181>